

обставлен многими новыми подробностями. Равным образом и язык нашей пьесы гораздо народнее языка интермедии¹.

Комментарии Л. Н. Майкова конспективны, слишком кратки и кое в чем противоречивы. Они не дают полного представления о своеобразном облике публикуемой пьесы по сравнению с более ранней и близкой ей по теме интермедией, не отвечают на вопрос о характере различий в образах действующих лиц, в развитии сюжета, не содержат систематического разбора ремарок, которые могут прояснить вопрос о сценическом воплощении произведения.

Основой обеих пьес является показ городского быта XVIII века, характерной чертой которого была мелкая торговля вразнос на рынках и улицах.

Образы разбитных продавцов-разносчиков с их зазывами покупателей очерчены бегло, но отчетливо. Среди них мы находим „пирожника“, который разносит подовые пироги с различной начинкой на лотке, надетом на лямке через плечо.

В рукописных сборниках XVIII века встречаются записи зазывов уличных продавцов с рифмованными прибаутками. Например:

Вот сбитьень, вот горячий!
Кто сбитьню моего?
Всякой кушает его —
И воин и подьячий.²

Позднее колоритные зазывы продавцов, в частности пирожника и сбьтенщика, с традиционными рифмами „подьячий—горячий“ занес в свои записи народных прибауток В. И. Даль.³

В комических монологах драматургия XVIII века сохранила характерные черты зазыва покупателя балагуром-продавцом, восхваление достоинств своего товара и обращение к различным категориям покупателей.

При сопоставлении пьес прежде всего обращает на себя внимание изменение состава персонажей. В интермедии появлялись Маркитант, Ставленник и четыре Мошенника; в „Игре пирожной“ Маркитанту соответствует Пирожник, четыре Мошенника заменены Голым, который крадет у Пирожника лоток с пирогами и мощну с выручкой, а вместо Ставленника в роли покупателей появляются Подьячий и Солдат.

Тема грабительства низовых чиновников, которые от секретаря и подьячего до простого канцеляриста „одувают“ просителей и требуют „даров“, проходила в интермедии на втором плане, в беседе Ставленника с Мошенниками. В „Игре пирожной“ ей уделено особое внимание, благодаря появлению Подьячего (роль его достаточно обширна и состоит из 88 строк), который обманом вымогает пироги у разносчика, да еще грозит ему тюрьмой и судом, когда Пирожник требует платы.

Насмешка над глупостью церковника, одураченного ловкими ворами, заменена в „Игре пирожной“ разоблачением жадного хапуги-Подьячего, который не брезгает тем, чтобы с похмелья бесплатно „дюжину-другую пирогов схабатить“, а если не удастся, готов „пощетить натошак хоть грешнева-то теста“.

В комическом монологе Голого интересно отметить ироническую характеристику всегда несправедливого и жестокого суда.

¹ Там же.

² ГПБ, Собр. Титова, № 2986, конца XVIII—начала XIX в., запись на нижней корке переплета.

³ В. И. Даль. Пословицы русского народа, т. III. Изд. 3-е, М., 1914, стр. 17—18.